

Е. П. БАЖАНОВ, П. А. РАЗВИН

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (К ВЫХОДУ ИЗБРАННЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА В.С. МЯСНИКОВА)

Вышло в свет фундаментальное двухтомное издание¹ избранных работ видного отечественного ученого-китаевода, академика В.С. Мясникова, посвященных различным аспектам китайской истории и историографии, современной жизни Китайской Народной Республики, проблемам российско-китайских отношений со времен самых первых контактов до сегодняшних дней, внешней политики двух стран на различных направлениях и их места на геополитической карте мира.

Рассматриваемое издание приурочено к двум знаменательным датам – 75-летию юбилею автора и 50-летию его плодотворной работы в системе Академии наук.

Многочисленные коллеги и ученики В.С. Мясникова получили долгожданную возможность изучить или вновь освежить в памяти все то, что было написано автором за многие десятилетия служения науке. Именно "освежить в памяти", поскольку к по-настоящему талантливым работам, как правило, хочется время от времени возвращаться, вновь перечитывать их. Однако когда они существуют в разрозненном виде в многочисленных сборниках, журналах и других изданиях, разбросанных во времени и в пространстве, такое бывает затруднительным. Теперь же у единомышленников В.С. Мясникова – как, впрочем, и у его оппонентов – появилась возможность изучать, перечитывать и дискутировать с ним, обходясь без необходимости производить "раскопки" в библиотечных фондах.

В двухтомник вошли отнюдь не все статьи и, по понятной причине, ни одна из монографий автора. Диапазон изучаемых В.С. Мясниковым тем шире. Только перечисление их заняло бы не одну страницу.

Поскольку книга посвящена, прежде всего, Китаю, то в соответствии с научной логикой, автор начинает с ознакомления читателя с самыми древними истоками китайской научной мысли, китайской философии и того, что по-современному можно назвать китайской политологией. "Этим мне хотелось подчеркнуть важность поисков решения столь трудной проблемы как особенности китайской цивилизации, – пишет он. – Для европейских востоковедов давно уже сверхзадачей стала расшифровка этнокультурного кода азиатских цивилизаций. На решение этой головоломки ушло более 500 лет, сменились десятки поколений ученых, но пока что получены лишь фрагментарные представления о том, что есть общего в этнокультурных комплексах Востока и Запада, Севера и Юга и что их разъединяет" (кн. I, с. 15).

Понятна причина, побудившая автора открыть сборник статьями, посвященными одной из важнейших специфических особенностей китайской цивилизации – стратагемно-

Бажанов Евгений Петрович – доктор исторических наук, профессор, проректор Дипломатической академии МИД РФ, Заслуженный деятель науки России.

Развин Петр Александрович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Дипломатической академии МИД РФ.

¹ *Мясников В.С.* Квадратура китайского круга. Избранные статьи, в 2-х кн. М., 2006, кн. I, 550 с; кн. II, 624 с. Редколлегия серии: С.М. Аникеев, А.А. Бокщанин, Л.Н. Борох, А.М. Карапетянц, А.И. Кобзев, Л.С. Переломов.

сти мышления ее представителей. «Что же такое стратагемность? Само понятие "стратагема" (по-китайски чжимоу, моулюе, цзлюе, фанлюе) означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость, – пишет автор. – Интересна сама семантика этого понятия: бином чжимоу, например, одновременно означает и сообразительность, и изобретательность, и находчивость. Стратагемность зародилась в глубокой древности и была связана с приемами военной и дипломатической борьбы. Огромное влияние на теоретическую разработку стратагемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-цзы – автор трактата "О военном искусстве", который требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагем» (кн. I, с. 15).

Однако стратагемы касались отнюдь не только области военного искусства. Начиная с дипломатам, да и вообще всем, кто избрал своей стезей изучение внешней политики и международных отношений, следует учитывать, что "дипломатические стратагемы представляли собой нацеленные на решение крупной внешнеполитической задачи планы, рассчитанные на длительный период и отвечающие национальным и государственным интересам. В дипломатии понятие стратагемности раскрывается как сумма дипломатических и военных мероприятий, связанных с реализацией долговременного стратегического плана, обеспечивающего решение кардинальных задач внешней политики государства. Стратагемная дипломатия черпала средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства" (кн. I, с. 15). В.С. Мясников приводит многочисленные примеры из китайской истории, иллюстрирующие применение стратагем китайскими полководцами, государственными деятелями и дипломатами. Автор имеет полное основание для всего этого хотя бы уже потому, что известнейший западный китаевед Х. фон Зенгер в предисловии к первому изданию в России одной из своих книг "Стратагемы: О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия", отдал ему дань уважения, признав, что В.С. Мясников "может считаться пионером китаеведческих стратагемных исследований" (кн. I, с. 15).

Рецензируемая книга может рассматриваться как своеобразная энциклопедия китаеведения. Какой бы аспект истории Китая, какое бы понятие, какое бы имя, связанное с Китаем, ни пришло в голову, оказывается, что им нашлось место в книге В.С. Мясникова. Например, для многих россиян, особенно для бывших советских людей, с Китаем неразрывно связано имя Мао Цзэдуна, ставшего в нашей стране символом "вечной дружбы" эпохи, когда "русский и китаец" были "братья навек". И в книге В.С. Мясникова анализ этой одной из крупнейших фигур китайской истории занимает видное место.

Та часть книги, которая посвящена первому Председателю Китайской Народной Республики, содержит огромный пласт информации и мысли, не потерявшие актуальность и по сей день. Даже для неспециалиста становится очевидной противоречивость, неоднородность личности китайского руководителя.

Конечно, не во всем, что касается оценок Мао Цзэдуна, можно согласиться с автором. Например, вряд ли правомерно характеризовать маоизм как "китаизированный сталинизм" (кн. I, с. 48), тем более, что на с. 32 отмечается, что он был "больше националист, чем интернационалист". Уж в чем-чем, а в национализме Сталина никто не обвинял. В отличие от Председателя КНР, ему досталась многонациональная держава, а потому вся его политика, все его действия, включая и репрессии, носили "интернационалистский" характер. Но, с другой стороны, соответствующие оценки В.С. Мясниковым маоизма относятся к периоду, когда и Сталин, и сам сталинизм рассматривались с "марксистско-ленинских позиций" периода 60–70-х годов. С тех пор многое изменилось, включая, несомненно, и взгляд автора на сталинизм и маоизм.

Целый раздел сборника трудов В.С. Мясникова посвящен "востоковедению" и "востоковедам", а точнее тем первопроходцам китаеведения, которые заложили основы этой науки в нашей стране и при которых оно начало оформляться как самостоятельная научная дисциплина, таких, как Н.Я. Бичурин. Автор дает яркие характеристики ря-

ду российских исследователей Китая, отмечая при этом, в числе прочего, что "знание китайского языка всегда было и остается основой китаеведческой подготовки" (кн. I, с. 78).

В этом отношении отечественная школа китаеведения всегда была весьма сильной при том, что "синология никогда не относилась к числу доходных профессий" (кн. I, с. 189). В данной связи хотелось бы привести эпизод, рассказанный В.С. Мясниковым и относящийся к периоду "холодной войны". На одной из международных научных конференций речь зашла о событиях начала XX в., и американский делегат выступил с докладом о роли России в подавлении восстания ихэтуаней. Обвинения в адрес нашей страны составляли большую часть этого выступления. Председательствовавший предложил задать вопросы докладчику. Наступила томительная пауза.

Вдруг руку поднял наш замечательный китаевед-филолог В.С. Колоколов. Он вышел на подиум и на доске (заседание проходило в одной из главных аудиторий химического факультета МГУ) прекрасным, каллиграфическим почерком написал 10–12 иероглифов, после чего спросил, знаком ли докладчик с источником, название которого было только что воспроизведено. Теперь уже тягостное молчание воцарилось в противоположном лагере. Затем докладчик буквально выдавил из себя: "Нет, я не знаю этих иероглифов". "Поскольку это основной китайский источник по истории восстания боксеров, то у меня к вам больше нет вопросов", – завершил "нокаутом" свой визит на подиум Колоколов (кн. I, с. 578).

Разумеется, научному изучению китайской цивилизации, "квадратуры китайского круга" предшествовали интересы, как теперь говорят, геополитического характера. И значительную часть фундаментального труда В.С. Мясникова занимает именно период, когда Китай с российской стороны исследовали не профессиональные ученые, а дипломаты и купцы. Объективной причиной этого стало "развитие производительных сил Русского государства, его географическое сближение с Цинской империей благодаря освоению Сибири и Приамурья" (кн. I, с. 50).

Наказ первому официальному русскому послу Ф.И. Байкову в Цинский Китай "представляет собой замечательный памятник московской дипломатии XVII в., – пишет В.С. Мясников. – Он был тщательно продуман во всех деталях и четко выражал непреклонную волю русского правительства вести дипломатические отношения с великими восточными империями на равных основаниях. В Посольском приказе предусмотрительно оговаривали все детали поведения русских послов при дворах восточных властителей, учитывали, к каким уловкам может прибегнуть дипломатия противной стороны, чтобы попытаться поставить Русское государство ступенью ниже на иерархической лестнице взаимоотношений в феодальном мире.

В этом плане наказ Ф.И. Байкову поражает нас той точностью программы, которая как будто специально составлена для защиты престижа Русского государства от дипломатической практики Цинской империи, основывавшейся на китаецентристских концепциях и допускавшей установление отношений с иными государствами лишь в соответствии с моделью: сюзерен (цинский император) – вассал (любой иной суверенный владетель)" (кн. I, с. 280).

И далее: "Маньчжурские дипломаты различными способами пытались унижить достоинство русского посла и помешать выполнению им главной цели его миссии – вручить богдыхану грамоту от русского царя с предложениями установить нормальные дипломатические и торговые отношения между двумя государствами. Проявив настойчивость, дипломатический такт и большую выдержку в стремлении выполнить возложенные на него задачи, Байков в то же время решительно отверг поползновения маньчжурской стороны трактовать его посольство как очередной привоз "дани" от "вассального" государства.

Столкнулись две концепции мирового порядка. Маньчжуро-китайская внешнеполитическая доктрина исключала равенство в отношениях с Русским государством, а внешнеполитические взгляды московских дипломатов не менее строго исключали для Русского государства неравенство во взаимосвязях с кем-либо" (кн. I, с. 407).

Примечательно, что даже позднее, в 1752 г. в Пекине было издано "Описание данников Китайской империи", куда Россия попала наряду с Англией и Голландией (кн. I, с. 413). Тогда как в российской внешнеполитической "табели о рангах" Китай фигурировал наравне с такими государствами, как Турция и Персия (кн. I, с. 276). В тот период Цинская империя проводила активную, наступательную внешнюю политику. Отношения империи Цин с Россией в XVIII уже существенно отличались от тех, которые складывались между этими двумя государствами столетием раньше. Обе стороны стремились к добрососедству, старались поддерживать его дипломатическими методами и в 1727–1728 гг. подписали Кяхтинский трактат, который признал относительное равенство сторон, регулировал их политические, экономические и культурные связи.

В этой связи, в частности, в том, что касается вопросов пограничного размежевания, по-прежнему актуальными представляются слова автора о том, что "углубленное научное исследование всех аспектов истории взаимоотношений нашей страны с Китаем предполагает четкий показ взаимосвязи ранней истории русско-китайских отношений и истории освоения русскими Дальнего Востока в XVII в. с политическими и экономическими факторами середины XIX в., определившими окончательное установление границы двух империй во второй половине XIX в. Именно с этих исторических позиций опровергается утвердившийся в китайской и западноевропейской литературе взгляд на конечный результат разграничения по Айгуньскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам как на одновременный захват Россией китайских территорий" (кн. I, с. 440).

Историю взаимоотношений России с Цинской империей в Центральной и Средней Азии также "необходимо рассматривать во взаимосвязи всего процесса политических и экономических связей и территориального размежевания двух держав, начавшегося в первой половине XVIII в. и завершившегося в конце XIX в. Как на Дальнем Востоке, так и в Центральной и Средней Азии этот процесс происходил на землях, первоначально заселенных кочевыми и полукочевыми народами, в большинстве не имевшими стабильных государственных образований, а также на территориях самостоятельных феодальных государств Центральной Азии". Учет этого "позволяет исправить ошибки, существовавшие в советской исторической литературе 20–30-х годов, когда историки в большинстве случаев оценивали действия России в течение всего почти 300-летнего периода русско-китайских отношений с точки зрения империалистической политики России на Дальнем Востоке конца XIX – начала XX в. При этом упускался из виду важнейший для новой истории Китая и ряда сопредельных стран период агрессивных завоевательных войн маньчжурских императоров, длившийся почти два столетия" (там же).

В.С. Мясников вполне оправданно выделил три периода в развитии отечественной, точнее советской синологии в XX в.: 20–30 годы, когда акцент делался на "агрессивной политике царизма"; 40–50 годы, характеризовавшиеся продиктованной политической целесообразностью определенной идеализацией истории российско-китайских отношений; и, наконец, последующий период, когда российская синология испытала воздействие обстановки, которая в то время характеризовалась острым идеологическим, а затем и геополитическим противоборством, в том числе и в качестве реакции на открытые территориальные притязания КНР к Советскому Союзу (кн. I, с. 438–439). Однако с распадом СССР история, вопреки построениям известного философа Ф. Фукуямы, отнюдь не кончилась, и наступил новый этап в истории отечественного китаеведения, отраженный в работах автора, включенных уже во вторую книгу его избранных трудов.

Эпиграфом ко второй книге вполне может служить приведенная автором в самом начале китайская поговорка: "Книга не исчерпывает слов, слова не исчерпывают мыслей", которая перекликается с приводимым им еще в первом томе высказыванием отечественного ученого Ю.В. Кнорозова, советовавшего своим ученикам "больше читать, меньше писать, еще меньше публиковать" (кн. I, с. 14). Она начинается с раздела, посвященного науке и культуре Средней империи, ее отношениям в этой сфере с Россией и другими странами.

Большой интерес представляют размышления автора о роли и судьбе китайской интеллигенции, тем более, что отнюдь еще не приведены к общему знаменателю всевоз-

можные оценки насчет этой "прослойки" в нашем собственном Отечестве. И, по-видимому, вполне корректным представляется его точка зрения, что "роль интеллигенции в истории Китая ничем не отличается от таковой в истории любой другой цивилизованной страны. Интеллигенция появляется лишь на определенном уровне развития национальной культуры, и именно она несет через тысячелетия тот культурный код, который определяет сущность цивилизации. Собственно, в этом и заключается основная функция творческой интеллигенции. В китайском феномене поражает как стойкость кода, так и живучесть его носителя. Объясняется это тем, что на протяжении всего извилистого пути истории Китая – сквозь смену династий, царствование чужеземных властителей, вторжение европейских держав – интеллигенция видела главной своей задачей служение народу через упорядочение отношений в обществе, гармонизацию взаимосвязи общества и государства на патриотической основе" (кн. II, с. 6).

Автор анализирует сущность, место и роль интеллигенции в обществе, приводя в этой связи афоризм академика Д.С. Лихачева о том, что "можно притвориться кем угодно, но нельзя притвориться интеллигентом", равно как и мнение А. Эйнштейна, заметившего, что "моральные качества выдающейся личности имеют, возможно, большее значение для данного поколения и всего хода истории, чем чисто интеллектуальные достоинства" (кн. II, с. 6). И далее В.С. Мясников высказывает интересную мысль: "Свойства интеллигента не зависят от масштабов социума или проблем, которыми он занимается. Они выдерживают испытания и огнем, и мечом, и водами, и медными трубами. Лишь две страны, два народа (да простят меня европейские интеллектуалы!) взрастили интеллигенцию в полном смысле этого понятия – Китай и Россия. И на протяжении века ушедшего судьбы интеллигенции в этих странах неслучайно были зеркальны" (кн. II, с. 7).

Вполне объясним в таком контексте огромный интерес, проявленный в культурных слоях китайского общества к А.С. Пушкину с того самого времени, когда его произведения стали переводиться на китайский язык. "Служение интеллигента идее сродни христианскому подвижничеству, – пишет В.С. Мясников. – Точнейшая формула этого служения изложена в пушкинских строках: И долго буду тем любезен я народу / Что чувства добрые я лирой пробуждал / Что в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал" (кн. II, с. 29). Упоминание христианства здесь также неслучайно. Автор и в первой, и во второй книге заметное место уделяет миссионерской деятельности Русской православной церкви в Китае, истории основания Русской духовной миссии в Пекине.

Часть II второй книги избранных трудов В.С. Мясникова посвящена современному этапу российско-китайских отношений. "Новые условия в мире, – подчеркивает автор, – создают возможности для того, чтобы наконец в межгосударственных отношениях восторжествовали мирное сосуществование и другие общепризнанные принципы международного права, гарантирующие от посягательств на национальные интересы. Именно на таких принципах базируется подписанный 16 июля 2001 г. в Москве Президентом РФ В.В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Этот договор имеет важное историческое значение не только для отношений нашей страны с ее великим дальневосточным соседом, но и для международных отношений наступившего XXI столетия в целом" (кн. II, с. 141).

Действительно, данный договор, во-первых, восстановил международно-правовую, договорную основу российско-китайских отношений, которая существовала на протяжении трех с лишним веков. Во-вторых, это восстановление произошло на качественно новой основе, в соответствии с принципами добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между двумя государствами в XXI в. В этом плане Московский договор не только подвел итог предыдущему десятилетию конструктивного развития добрососедских отношений России с Китаем, но и открыл новые пути их дальнейшего совершенствования и развития на длительную перспективу. В-третьих, российско-китайские отношения давно уже во многом определяют общий климат международной жизни.

И, наконец, это первый договорный акт такого масштаба в наступившем столетии. Подписав его, Россия и Китай внесли существенный вклад в построение складывающейся в наши дни новой системы международных отношений. Автор справедливо указывает: "Договор носит системный, комплексный характер, он относится к той категории договоров, которые в прошлом назывались трактатами" (там же).

Московским договором определено, что Россия и Китай строят свои отношения в соответствии с общепризнанными нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Стороны отказываются в своих взаимоотношениях от применения силы или угрозы силой, от иных методов давления.

Известно, что трагические события 11 сентября 2001 г. в США заметно повлияли на ход мировой политики. Международная среда, где наши государства выступают как суверенные субъекты, резко усложнилась. Россия, Китай и Индия стали активными участниками антитеррористической коалиции. В этой связи В.С. Мясников высказывает весьма интересную мысль: «Как свидетельствует исторический опыт, "охота на ведьм" не может быть основой религии. Так же и "охота на международных террористов" не может быть основой современных международных отношений. Для нормального взаимодействия государств на международной арене основа их деятельности должна быть здоровой, позитивной и конструктивной» (кн. II, с. 143). Действительно, любое политическое или иное общественное движение не может сколько-нибудь долго существовать при опоре на "анти" (антикоммунизм, антиглобализм и т.п.). Всегда и везде требуется конструктивная и позитивная альтернатива.

Значительное место в книге посвящено сотрудничеству России и Китая в интересах поддержания стабильности в центре Евразии, в том числе и на путях реализации стратегического партнерства со странами Центральной Азии – бывшими республиками СССР. В апреле 1996 г. Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан подписали в Шанхае Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Так было положено начало деятельности пяти держав, получивших название "Шанхайской пятерки". Еще более масштабное Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе бывшей советско-китайской границы страны "пятерки" подписали в Москве в 1997 г. Затем последовали встречи лидеров этих государств в Алматы в 1998 г. и Бишкеке в августе 1999 г. И, наконец, 15 июня 2001 г. в состав "пятерки" был принят Узбекистан, и она превратилась в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Декларация и Хартия (устав) которой были приняты в июле 2002 г.

Представляется правомерным суждение автора, что произошло замещение Британской империи североамериканской сверхдержавой на арене бывшей "Большой игры". Имеется в виду противоборство Британской и Российской империй за маккиндеровский "хартлэнд"². В книге подробно освещается этот исторический период. В частности, немалый интерес представляют приводимые автором выдержки из аналитических работ наркоминдела Советской России Г.В. Чичерина, который начинал свою дипломатическую службу еще в 1897 г. в Архиве МИД России и специально занимался русской политикой в Азии в царствование Александра II.

Небезынтересен приводимый в книге чичеринский анализ особенностей британской дипломатии той поры: "Главная сила английской дипломатии всегда заключалась не в тех декоративных фигурах, которые сидят в роскошных помещениях посольств и миссий и умеют ослеплять окружающих блеском своих должностей и престижем представляемой ими империи. Эти эффектные фигуры в значительной мере выполняют то, что им предписывается окружающими.

² Маккиндер Хэлфорд (1861–1947) – видный представитель британской школы геополитики, создатель теории о раздвоении мира в силу географических условий на два антагонистических лагеря, представляющих собой сухопутную и морскую силы. Утверждал, что Россия стремится к овладению странами с незамерзающими морями.

Сила английской дипломатии в ее многочисленных агентах, в особенности в тех преисполненных предприимчивости, ловкости и авантюристского духа полковниках, которые в Аравии руководят враждующими царьками и князьками, в Персии двигают отсталыми племенами против центрального правительства, играют курдскими феодалами то против Персии, то против Турции, подстрекают одни азиатские племена против других, а также племена против центрального правительства, наводняют своими шпионами и другими агентами нашу Среднюю Азию... пробираются в глубину Тибета и на Дальний Восток, поднимают против китайского национального движения компрадорскую буржуазию, то есть ту, которая наживается на торговом посредничестве между великими державами и Китаем" (кн. II, с. 147). Фактически речь идет о британских предшественниках тех самых "тихих американцев", тип которых вывел английский писатель Г. Грин. Думается, что данный анализ не потерял своего значения и по сей день.

Рассматривая американскую стратегию в данном контексте, автор отмечает: "Важнейшей стратегической целью правящих кругов заокеанской державы на евразийском пространстве является недопущение роста сил, которые могли бы составить конкуренцию американскому господству и интерпретируются поэтому как "враждебные США". Такой силой был Советский Союз. Ныне как угрожающие интересам США рассматриваются интеграционные процессы на постсоветском пространстве, а также непредсказуемость политики Китая в случае, если он не будет "вовлечен" в ту модель международных отношений, которую стремятся создать США" (кн. II, с. 144).

Касаясь сегодняшней внешней политики России и российско-китайских отношений, В.С. Мясников отмечает, что "важной стратегической целью в центре Евразии является необходимость создания и сохранения благоприятных международных условий для успешного претворения в жизнь намеченных реформ. В этом совпадение главных национальных интересов России, Китая и Индии, умноженное на имеющиеся давние традиции дружественных связей в области экономики, культуры, науки и техники... Но для реализации этого взаимодействия одной такой возможности недостаточно... Такое взаимодействие может происходить только в определенной международной среде, которую нам необходимо создавать и за которую придется бороться. В той среде, которая складывается под воздействием других держав, кроме благоприятных факторов действует также значительное число факторов, способных осложнить и даже сорвать наше взаимодействие. Причем эти факторы не зависят от двусторонних отношений наших стран друг с другом" (кн. II, с. 149).

Анализируя сложившуюся на Дальнем Востоке ситуацию, В.С. Мясников напоминает, что "здесь традиционно существовала система межгосударственных отношений, обозначаемая по-китайски как саньда-лянясю – "три великих – два малых". К "трем великим" относились Россия, Китай и Япония, к "двум малым" – Монголия и Корея. В этом квинтете российский голос самый молодой. Рассматривая проблему на сегодняшнем уровне знания, необходимо иметь в виду, что восточноазиатская цивилизация имеет ряд особых составляющих, значительно отличающихся друг от друга цивилизационных комплексов. Исторически цивилизационным центром был Китай, с его религиозным синкретизмом, который обеспечивал сосуществование государственной идеологии – конфуцианства с великими религиями: буддизмом, даосизмом, исламом.

Но, восприняв многие элементы этой культуры, Япония, Корея, Монголия не утратили собственных этнокультурных характеристик, определяющих их национальную самобытность. Если рассматривать исторически сложившиеся этнокультурные особенности каждой из стран, то по этим показателям Монголия, например, не менее отличается от Японии или Китая, чем европейские государства, представляющие иную цивилизационную общность" (кн. II, с. 165). Кроме того, "связи России с любым из ее дальневосточных соседей невозможно рассматривать изолированно, вне системы региональных международных отношений, следовательно, необходимо проанализировать главные тенденции развития обстановки на той арене, на которую Россия как бы заново вступает в новом качестве" (кн. II, с. 165).

Что касается отношений между Китаем и Россией, то для них национальные интересы, по мнению автора, представляющемуся справедливым, должны рассматриваться в трех уровнях. Первый уровень отношений России с Китаем – глобальный. Взаимопонимание и взаимодействие России и Китая на глобальном уровне отвечает их национальным интересам. Основные позиции двух держав по проблемам укрепления мира, разоружения, в том числе сокращения ядерных вооружений и других средств массового уничтожения, близки или совпадают. Это отмечает и статистика голосования двух делегаций в ООН.

Если обратиться к региональному уровню, то при анализе интересов этого уровня важно то, что РФ и КНР – два великих азиатских государства. В Китае признают, что Россия – азиатская держава, азиатско-европейское государство. В региональной политике Россия в ее отношениях с Китаем во многом является правопреемницей Советского Союза. И, наконец, существует уровень собственно двусторонних отношений (кн. II, с. 291).

Россия принадлежит азиатско-тихоокеанскому сообществу наций и государств, уже свыше 400 лет являясь частью этого региона, и у нее есть не только складывающиеся сегодня, но и вытекающие из истории права и обязанности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россия несет ответственность за поддержание мира и безопасности в регионе, она не раз демонстрировала готовность к участию в поиске решения спорных международных вопросов политическими средствами. Сегодня она принимает активное участие в создании новой многополярной структуры международных отношений в регионе, предполагающей равенство великих, средних и малых государств в создании системы безопасности, укреплении мира и достижении экономического процветания. Китай, как и Россия, переживает переходный период – но не только от социалистической плановой экономики к планируемой рыночной, но и от статуса региональной державы к положению мировой сверхдержавы.

При этом взаимосвязи России и Китая не только развиваются по законам международных отношений, но и несут на себе отпечаток этнокультурных особенностей каждой из стран, которые будут отражаться на характере их взаимодействия в конце XX и начале XXI в. "Учитывать цивилизационные особенности Китая при ведении дел с ним – обязательное условие для любой дипломатии" (кн. II, с. 366).

Межцивилизационные различия, как подчеркивает В.С. Мясников, всегда влияли на отношения России с Китаем. В основе политической культуры Китая лежали конфуцианские принципы политической иерархии и китаецентристские представления об окружающем мире. Китайская политическая культура практически исключала равенство в отношениях Китая с любой страной мира. Китай стремился выстроить все свои международные связи по вертикали – от высшего к низшему.

"Таким образом, – делает вывод автор, – при установлении отношений двух стран естественно сложилась своеобразная система координат, в которой горизонтальную линию образовывали европейские традиции и методы, а вертикальную – китайские. В результате взаимодействие сторон формировалось как вектор развития, третья линия, вобравшая в себя элементы того и другого... Но эта векторная линия складывалась и под влиянием третьей силы, ибо взаимодействие России с Китаем на протяжении длительного периода осуществлялось при активном участии народов – медиаторов (монголов, маньчжуров, киргизов, казахов, народов Приамурья и Приморья)" (кн. II, с. 367). В наше время круг таких "народов – медиаторов" неизмеримо расширился, в связи с чем в труде В.С. Мясникова немалое место уделено и взаимодействию России, Китая и Индии на евразийском пространстве (кн. II, с. 155), взаимодействию двух стран в решении проблем, связанных с Корейской Народно-Демократической Республикой (кн. II, с. 179), влиянию глобализации (кн. II, с. 159), а также, как уже отмечалось, американскому фактору, который внес радикальные изменения в вышеупомянутую схему саньда-лянсяо ("три великих – два малых"), фактически во многом сломав ее.

В работах В.С. Мясникова рассмотрено столь большое количество тем, что охватить их все в кратком обзоре невозможно. И все же особый интерес представляют те его мысли, которые он вынес в конец второй книги в раздел "Postscriptum". В частности, за-

служивают внимания его размышления о так называемом "научном чувстве". «Мне прежде всего кажется, – пишет он, – что одним из приемов характеристики ученого может служить определение наличия у него подлинного научного чувства (в противоположность "ученой" – от слова "учить" – выучке-тренировке и в дальнейшем рутине организованного труда), и затем отношение этого его научного чувства к продукции и деятельности... Научное чувство есть нечто, с одной стороны, такое же реальное, как чувство и чутье художественное; с другой же стороны... это научное чувство бывает неуловимым, трудно констатируемым или определяемым. Можно учиться прилежнее других, так что успех будет принят за научную квалификацию, затем написать по примеру других что-либо "к" какому-либо вопросу или, еще проще, повернуть на организационно-административную тропу и пребывать на ней до скончания дней под эгидой научной деятельности. Однако даже без симуляции подлинно научное чувство рождается и созревает у каждого из нас по-разному» (кн. II, с. 568).

Отечественное китаеведение никогда не развивалось в вакууме или в некоей "башне из слоновой кости", и свидетельства В.С. Мясникова – тому яркое подтверждение. Автор на собственном богатейшем опыте знает, о чем ведет речь. Он вспоминает и о трудностях совсем не творческого характера, которые, тем не менее, затронули судьбы и процесс формирования многих китаеведов. Например, о том времени, когда "после завершения работы XXV конгресса востоковедов Н.С. Хрущев совершил второе закрытие". Первым было закрытие учебного института, в котором готовили востоковедов, теперь же было принято решение закрыть Институт китаеведения АН СССР. Основанием для таких действий было донесение... о высказанном Мао Цзэдуном в одной из бесед с ним неудовольствии тем, что в СССР создан Институт китаеведения. По мнению Мао Цзэдуна, изучают только колониальные и зависимые страны, а зачем изучать Китай, строящий социализм?

Конечно, дело было, скорее всего, не в этом, а в том, что начались серьезные разногласия между руководствами двух государств. Мао Цзэдун решил ослабить научное обеспечение политики СССР на китайском направлении. Хрущев же сделал поспешный вывод, что если академический институт чем-то вызывает неудовольствие в Пекине, то его следует принести в жертву. Дальнейший ход событий показал, что это была одна из ошибок Хрущева. Через два года после его снятия со всех постов институт был восстановлен как Институт Дальнего Востока АН СССР. Тогда же, в 1960 г., большинство сотрудников Института китаеведения перешли в Институт народов Азии, как тогда стали именовать Институт востоковедения (кн. II, с. 579).

Поучительны суждения автора в конце книги. «Я не подвожу итоги, – как бы отключается он на немой, но законный вопрос читающих его труд. – Мне еще рано делать это. Тем не менее, хочу честно сказать: я не знаю, обрел ли я "научное чувство", но пережить, передумать, перечувствовать пришлось немало. И вообще, есть ли у меня предмет поиска, вынесенный в заглавие этой работы, судить не мне, а читателю. Ведь наличие научного чувства не связано ни с административными должностями, ни с высокими академическими званиями, ни с количеством опубликованных работ... Писать может научиться каждый. Нужно лишь желание и упорство... Трудись и обретешь вдохновение, легкость в работе и ощущение красоты ее» (кн. II, с. 602).

И далее, перефразируя утверждение академика В.М. Алексеева о том, что научное чувство может привести "к беспредельному рождению новых истин", он пишет, что "доминантой в этой прекрасной фразе должно быть «"беспредельное рождение новых истин". За открытием новых истин следует нечто близкое по своей духовности озарению – ни с чем не сравнимый восторг глубочайшего удовлетворения. Именно этим наука вознаграждает за любовь к ней и преданность ей. Это чувство не означает успокоение, а наоборот, подобно экстазу любви, вызывает желание вновь и вновь пережить его. Оно и является главным стимулом деятельности работника любой науки» (кн. II, с. 603).

Рассматриваемое издание – зримое подтверждение глубочайшей преданности В.С. Мясникова науке. И можно лишь пожелать, чтобы за этими двумя книгами последовало столь же содержательное продолжение.